

Кристина Гофман

НЕПОСТОРОННИЙ

Кристина Гофман

Непосторонний

«Автор»

2026

Гофман К.

Непосторонний / К. Гофман — «Автор», 2026

В заброшенном городе, захваченном обезумевшими роботами, Локи остался совсем один. Смысл его жизни – простые удовольствия и острые ощущения, которые разгоняют скуку. Но встреча с людьми-кротами, выживающими в полуразрушенном городе общиной, становится для Локи затяжным приключением. Здесь есть место развлечениям поинтереснее: растормошить к жизни робкую девушку-тихоню Юни, разобраться, как устроен крылатый киборг Кай, а самое главное – узнать, что скрывает суровая женщина-механик Милнет, предводительница людей-котов. Печальный мир, где каждый учится любить заново. Бездонные руины, в которых люди упрямо не теряют веру. Сумрачный город, в котором все же находится место свету. «Непосторонний» – спин-офф к серии книг «Черный снег. Проект Полубог» из цикла «Нерея».

© Гофман К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Кристина Гофман

Непосторонний

Глава 1

Каприз смеялась так мелодично и дерзко. Это ответ на вопрос, но Локи притворился, что не понял:

— Ну, скажи же: любишь меня?

Даже если бы она ответила сейчас, слова утонули бы в пулеметной очереди, пролившейся сверху. Локи спрыгнул с покато́й крыши двухэтажной постройки на усыпанный бетонным крошевом асфальт. После чего попытался поймать скользнувшую следом за ним Каприз. Но та мягко, по-кошачьи приземлилась, стремительно выпрямилась и прижала юношу к стене. Она еще успела поцеловать его в губы, но уже в следующую секунду совсем рядом с ними пули подняли с земли каменную пыль. Мгновение спустя беглецы уже мчались вдоль забора к распахнутым воротам ангара.

— Это значит «да»? — не унимался Локи, вбегая вслед за ней в помещение. И пока Каприз торопливо нажимала подряд все кнопки на панели управления воротами, чтобы закрыть их за собой, парень жадно скользил губами по ее шее и открытым плечам. — Брось, ведьмочка, ни один механизм не работает в этом проклятом небесами городе.

— Но попробовать все же стоило, — усмехнулась девушка, развернувшись к своему напарнику и, крепко прижимаясь к нему, горячо шепнула на ухо: — Вспышка справа.

В следующую секунду в незакрытые ворота ангара влетела ракета и разнесла взрывом противоположную стену, обдав молодых людей жаром и мелкими осколками. Локи лишь рассмеялся, за что был награжден новой порцией поцелуев от Каприз. Она не отпускала его из сладострастных объятий, пока в ангар не ворвался крупный «летун». Летящий робот-дрон завис под высоким потолком и ощерился двумя стволами пулеметов.

Локи рванул к выходу, прикрывая собой Каприз, но та, едва оказавшись снаружи, выкрикнула:

— Разиня, ты потерял трофеи!

Локи, чертыхнувшись, метнулся обратно: он и не заметил, когда сумка с сегодняшней добычей слетела с его плеча. «Летун», не успевающий следить за разделившимися мишенями, беспомощно поливал все вокруг мелкокалиберными пулями и покинул ангар только вслед за Локи.

Каприз тут же потащила парнишку за собой в узкий проулок между многоэтажками.

— Не забывай, ради чего вся эта беготня от взбесившихся роботов, — наставительно ворчала она, пока парень не заставил ее замолчать, прижав к облупившейся стене очередного укрытия и прильнув губами к ее губам.

Он до сих пор не решил, для чего в первую очередь затевает эту игру: достать новую порцию еды, одежды и прочих бытовых трофеев, или же для того, чтобы пощекотать нервы любовными играми, приправленными остротой опасности.

— Ты так и не ответила, любишь ли меня, — спокойно улыбаясь, произнес Локи, не обращая внимания на приближающийся стрекот вертушки «летуна».

— Люблю. Но помни: если мы окажемся в тупике, я тебя незамедлительно брошу, — вызывающе улыбнулась в ответ Каприз, ловко освобождаясь из плена крепких рук, и потянула Локи вдоль проулка.

— Безобразие, — с легкой укоризной покачал головой парень в ответ на эту реплику.

Он знал: Каприз говорит правду. Она с первых дней дала понять, что все, связанное с Локи, для нее лишь забава. Она с удовольствием поддавалась на опасные игры, в отличие от юноши всегда зная, где заканчивается грань дозволенного. Каприз — настоящая ведьма, и ее колдовское чутье безошибочно подскажет ей, когда лучше всего растаять в воздухе, покинув опасное измерение, и вернуться в свое, бросив прирученного мальчика на растерзание обезумевшим роботам на самоуправлении.

— Локи, я устала. Давай на сегодня закончим? — Каприз выглянула из-за угла здания, внимательно огляделась и обернулась к спутнику, вопросительно взглянув в глаза.

Сегодня она позволяла ему решать. Сегодня она отчего-то любила его больше обычного: юноша чувствовал это и по ее ласкам, и по голосу.

— Хорошо, давай, — легко согласился он.

Парочка быстро нашла один из ближайших входов в заброшенное полуразрушенное метро, а потом по тайным ходам добралась до убежища Локи. Ведьма уважительно оглядывалась по сторонам, то и дело находя взглядом ловушки для роботов, расставленные Локи на пути к своему обиталищу.

— Кое-где на складах или заводах еще встречаются такие, — пояснил паренек, проследив за заинтересованным взглядом спутницы. — На досуге испытал на встречаемых роботах, разобрался, как работает. Теперь им меня не застать врасплох в моем собственном логове.

«Логово» для него нашла сама Каприз четыре года назад. С тех пор здесь практически ничего не изменилось: лишь прибавился ворох непонятных штуковин, в которых Локи пытался разобраться. Это было его главным увлечением: целыми днями бродить по мертвому, наводненному мятежными роботами городу и выискивать непонятные механизмы, чтобы потом вечерами напролет копать в них. Иногда Каприз начинала подозревать, что таким образом Локи все же хочет найти способ обезвредить бешеные машины, поняв их устройство, но чаще всего это было похоже на попытки развеять скуку. Другого способа развлечься в отсутствие Каприз Локи не знал. Ведь он остался совсем одиноким в Ореоле — в городе, где теперь царствовали восставшие против людей машины.

Каприз нашла его здесь четыре года назад, четырнадцатилетним подростком. По воле случая она — ведьма из параллельного мира — решила прогуляться по человеческой реальности именно в следующий после катастрофы день. Людей на улицах уже не было, и лишь в трущобах какого-то глухого квартала Каприз встретила мальчонку, почти одичавшего от страха, но не проронившего при ней ни одной слезы. Заинтригованная такой стойкостью, извечно скупающая Каприз целый день посвятила ребенку: нашла для него еду в одном из брошенных магазинов, выискала для него нору-приют в недрах веток метро, обустроила маломальское жилище.

Разговорить мальчика удалось с большим трудом: угрюмый пацан назвался Локи и сказал, что его отец был программистом. Робот-няня была запрограммирована им вручную, включая настройку защитных программ, поэтому всеобщее кибер-безумие ее не коснулось. Механическая няня успела спасти ребенка, спрятав его в самых глухих городских переулках, где роботов было крайне сложно встретить, но сама вскоре пропала. Локи уже больше суток скитался по улицам, сходя с ума от страха, одиночества и непонимания, как быть дальше.

Когда Каприз таскала его за собой по улицам, разрушенным немотивированной агрессией роботов, Локи был хмур и отрешен. Но стоило ведьме опуститься на пол подземного закутка, чтобы приготовить малышу ужин, Локи мгновенно уснул, крепко прижавшись к своей спасительнице.

Каприз никогда не рассказывала Локи, что тогда она впервые в своей многовековой жизни постеснялась исчезнуть. Посчитала это слишком уж жестоким. Не смогла заставить себя уйти. За целый день она привязалась к найденышу, как привязываются к домашнему питомцу. И, кажется, обрела для себя новое лекарство от скуки...

— О, точилка для ножей! Наконец-то! — обрадовалась Каприз. — Неси сюда свои затупившиеся ножницы, я поточу их и наконец-то нормально постригу тебя! А то совсем на дикаря стал похож.

Все это время она сидела рядом с Локи и смотрела, что за вещи он вытаскивает из трофейного мешка одну за другой. Сегодня гуманитарную помощь с соседнего континента для военного городка Ореола не возили, поэтому Локи и его подруга не могли пополнить запас провизии, а просто гуляли по заброшенным магазинам. Локи искал в неизведанных кварталах интересные или полезные вещи, Каприз пыталась изучать по останкам зданий живших здесь людей. Сегодняшний улов был невелик, но полезен в хозяйстве.

— Я думала, тебе нравятся мои длинные волосы, — усмехнулся Локи, отыскивая в недрах собственноручно собранного стеллажа ножницы. — Иначе ты бы уже поколдовала и...

— Ты же знаешь, я не колдую здесь, — терпеливо парировала Каприз.

— Я так и не могу добиться от тебя ответа, почему. — Локи протянул ведьме ножницы и послушно сел спиной к ней на полу.

— Я ведь не спрашиваю тебя, почему ты не хочешь присоединиться к военным, а только регулярно ворует у них еду, — пожала плечами Каприз и принялась аккуратно подстригать отросшие до плеч черные волосы Локи.

— Не хочу, — коротко бросил юноша, упрямо сжав губы. Будто готовился к тому, что Каприз будет его уговаривать.

Та и не собиралась: она прекрасно понимала, что приученный к полной свободе и привыкший к частому одиночеству Локи не хочет обременять себя подчинением кому-то.

— Вот и я не хочу. Так веселее, — своенравно усмехнулась ведьма.

Она привыкла жить играя. Локи тоже.

Четыре года ведьма растила мальчишку для себя. Воспитывала, как дрессируют бойцовских собак: подчас жестоко, но надежно. Прививая мальчику мысль о том, что он один на всем белом свете и сам за себя в ответе, она избавила его от излишней чувствительности и иллюзий. Вращивала в его душе смелость, терпеливость и цинизм.

Локи стал крепким и выносливым, словно сам был сделан из стали, как обрекли его на скитания роботы-мятежники. Даже маски-фильтры оказались ему больше не нужны: отравленный токсинами воздух Ореола не причинял ему вреда, став привычным. Локи стал неотъемлемой частью брошенного города-призрака. Иначе здесь было не выжить. А выживать предстояло именно здесь.

— Каприз, почему ты не забереешь меня в свой мир? — однажды полюбопытствовал мальчик.

— Потому что тогда ты станешь таким, как все. И я потеряю к тебе интерес, — прямолинейно отвечала ведьма.

Она появлялась в берлоге Локи регулярно, каждые три дня, ходила с ним на все вылазки, но никогда не брала в свое измерение. Помогала добывать еду, но никогда не приносила пищу из своего мира. Не раз спасала жизнь своему юному питомцу, но всегда напоминала, что в любой момент может бросить его, когда станет скучно или слишком опасно.

Локи верил и был готов к тому, что когда-нибудь останется совсем один, относясь к этому спокойно и философски. Как и учила его Каприз, относящаяся к визитам к нему как к игре. Она не менялась вообще, однако когда Локи превратился из тощего и гибкого мальчика в крепкого стройного юношу, ведьма поняла, что игры приобретают более терпкий и пряный привкус.

Они продолжали свои совместные вылазки, но теперь это приобретало оттенок любовных игр. Они оба любили играть с опасностью, а теперь еще и друг с другом.

— Ну-ка повернись, — весело велела Каприз, и когда Локи послушно развернулся к ней, довольно резюмировала: — Красавец!

Черные волосы были коротко подстрижены, только челка длинными прядями, зачесанными на бок, доставала до скулы. Лишь сейчас ведьма вдруг поняла, как похудел ее подопечный с тех пор, как исчезла возможность добывать еду в заброшенных магазинах. Огромные серьезные черные глаза на тощем бледном лице казались еще больше. Эта худоба делала его лицо взрослым, а тело — еще более пленительным. Поэтому, не в силах больше сдерживать влечение, Каприз отбросила в сторону ножницы и мягко, но настойчиво, уложила Локи на пол, прильнув к его губам

Близость Каприз была сплошным острым ощущением. И лишь иногда во время ее визитов Локи терял возбуждающе чувство опасности: когда, утомленный приключениями и страстью, засыпал рядом с ведьмой, а та негромко пела ему колыбельную. Это был символ, связывающий их сквозь годы: эту колыбельную Каприз спела Локи в день их знакомства, когда мальчик уснул в ее неловких, нерешительных объятиях.

— Зачем ты ее пела? Я ведь уже спал, — смеялся Локи.

— Не знаю, — легко пожимала плечами Каприз. — Наверное, хотела, чтобы ты спал спокойно, чтобы эти слова создали иллюзию защищенности для тебя. И ты ведь услышал ее сквозь сон и запомнил, стервец! Просил ее потом каждую ночь...

— Ты не слишком баловала меня ей.

— Потому что нет никакой защищенности, Локи. Незачем тебе такие опасные иллюзии. Я это потом поняла, а тогда была просто минутная слабость.

— И у ведьм случаются слабости? — не преминул поддеть ее Локи.

— Отстань, — беззлобно отмахнулась девушка.

— Каприз, спой еще.

— Ты уже взрослый, хватит глупостей. — Каприз демонстративно сморщила носик.

Но Локи знал, чем ее смягчить:

— Давай! Мне сегодня так хорошо с тобой, так уютно и спокойно, что та колыбельная просто необходима для завершения идиллии.

И, бережно обняв руками тонкую ведьмину талию, Локи прижимался щекой к боку Каприз, закрывал глаза и безмятежно засыпал под нежный напев:

— *Стрелки встретились на полночи. Что ж, пора спать.*

Ты от этой сказки грустной успеешь устать.

Но знай:

Я всегда с тобой незримо, и ты не один

От юности и до седин.

Для тебя оставишь памятью о сказке,

Я ловлю в улыбке твой свет.

Скоро ты сумеешь без чьей-то подсказки

Разгадать волшебный секрет

Глава 2

Каприз уходила, не прощаясь, и Локи неизменно просыпался в одиночестве, упустив момент исчезновения. Теперь предстояло ждать возвращения ведьмочки целых два дня. Запасов еды вполне хватало до этого времени, так что можно было беззаботно гулять где-нибудь вблизи заводов и собирать любопытные штуковины.

Прихватив с собой пистолет с бронебойными патронами, Локи отправился на свою рискованную прогулку. День выдался тихим, без ветра, поэтому парень был уверен, что сразу услышит в неподвижном воздухе приближение взбесившихся механизмов. Поэтому, когда прямо перед ним бесшумно вырос человеческий силуэт, Локи едва не вскрикнул от неожиданности и изумления.

Во-первых, незнакомец подкрался к нему совершенно незаметно — бдительный Локи даже не увидел мелькнувшей тени. Человек беззвучно спрыгнул с крыши достаточно высокого здания, вдоль которого шел Локи, и встал прямо перед ним, произнеся ровным голосом:

— Пойдем со мной.

Вторым удивительным фактом было то, что незнакомец имел человеческую внешность, и одичавший юноша никак не мог поверить, что на окраине этого города, уничтоженного восстановившими роботами, обитает кто-то еще кроме него и Каприз. Но спустя несколько мгновений Локи с не меньшим изумлением понял, что ошибся: перед ним стоял не человек. Из-за спины незнакомца виднелось крыло, механизмы которого даже не были замаскированы.

Локи никогда не видел ничего подобного, но совершенно ясно понял: перед ним не человек, а значит — машина. Хотя поверить в это было очень сложно: внешне незнакомец выглядел как юный Аполлон из древних мифов. Солнечные выющиеся волосы обрамляли узкое лицо с большими голубыми глазами, точеным прямым носом и чувственными полными губами. Сложен юноша тоже был атлетически, как и предписывали древние греки, а вот одет — очень современно, в джинсы и кроссовки. На голый торс была накинута легкая жилетка с широкими проймами, в одну из которых и выглядывало крыло.

Казалось, Локи разглядывал незнакомца целую вечность, на самом же деле привычно цепкий взгляд парня оценил все за пару секунд. Кажется, этот тип что-то говорил?

— Пойдем со мной, я отведу тебя к людям, — повторило крылатое существо.

Голос его был таким же юным, как и он сам, но его портила бесстрастность. Вложенная в слова доля приветливости звучала искусственно и запрограммировано, как в автоответчиках, которые бездушно уверяют: «Ваш звонок очень важен для нас, пожалуйста, оставайтесь на линии».

— Пойдем со мной, я отведу тебя к людям. — Незнакомец не терял терпения.

Но, видя, что слова не действуют, он протянул Локи руку и медленно шагнул навстречу, словно приближаясь к дикому зверю, которого не хотел спугнуть.

Этот шаг, действительно, вывел Локи из прострации: он вскинул на «Аполлона» пистолет и, не медля больше ни секунды, выстрелил. Он действовал молниеносно, но незнакомец действовал еще быстрее, феноменально быстро. Он уклонился от выстрела, прыгнул на Локи, повалил на асфальт и, несмотря на отчаянное сопротивление, выхватил из его рук оружие.

— Я не желаю тебе зла, — все с тем же искусственным дружелюбием произнес он, сжав запястья Локи наручниками. — Мне было приказано отвести тебя в убежище людей.

Можно было предпринять еще несколько попыток освободиться, но Локи неожиданно понял, что гораздо интереснее будет пойти с крылатым типом. Убивать его прямо сейчас существо, похоже, не собирается, да еще и несет какую-то любопытную чушь. Пожалуй, стоит согласиться на эту интригующую прогулку.

* * *

Всю дорогу они молчали. Локи не считал нужным заводить беседу с роботом, и тот ничего не говорил, держа пленника за цепь наручников и ведя рядом с собой. Лишь однажды крылатый спросил: «Ты не устал?», на что Локи бросил скупое «Нет». На самом деле юноша начинал утомляться, находясь в постоянном напряжении, ожидая атаки своего провожатого и готовясь отразить ее. Однако спустя примерно час молчаливого пути они благополучно добрались до одного из самых крупных развлекательных центров в городе.

Когда-то Локи добирался и сюда, но на прилавках бутиков встречалось мало полезных для него вещей, поэтому юноша потерял к зданию интерес. Однажды он вознамерился попасть на подземную парковку и пошарить по подсобным помещениям, но не смог пробраться на этот уровень. Все входы — что изнутри, что снаружи — оказались заблокированы или завалены обрушившимися частями здания, и Локи оставил эту затею.

Однако крылатый юноша провел Локи в один из бутиков на первом этаже, где за декоративными панелями на стенах обнаружилась дыра, ведущая потайным ходом на подземную парковку. Локи заинтересованно хмыкнул и даже улыбнулся, предвкушая очень увлекательные открытия.

Едва они ступили на каменный пол пустынной парковочной площадки, как крылатый провожатый абсолютно бесстрастным голосом доложил: «Я привел его», и лишь сейчас Локи увидел маленький наушник на его ухе.

Вскоре одна из дверей распахнулась и появилась девушка, что повергло Локи в неожиданный трепет. Своего спутника он совершенно не воспринимал как живое существо, а вот при виде этой девушки дыхание отчего-то перехватило. Этот дикий бескрайний мир — его, Локи, мир — больше не принадлежал только ему, и как к этому относиться, юноша еще не понял.

Девушка же при виде Локи ускорила шаг. То, что незнакомка женского пола, парень на самом деле понял не сразу. У человека, торопящегося к ним навстречу, была короткая мальчишеская стрижка и телосложение подростка. Тощее тело было одновременно и изящно, и по-мальчишески развязно-неуклюже. Не было в походке женской грации, которую Локи видел у Каприз, которую помнил у мамы. Незнакомка и одета была по-мужски: штаны цвета хаки заправлены в высокие солдатские сапоги, на белую футболку наброшена коричневая куртка из жесткой кожи с множеством карманов. И все же это была девушка.

— Здравствуй! Как тебя зовут? Откуда ты? — торопливо спросила она, приблизившись и пристально уставившись в глаза юноше.

— Меня зовут Локи, а ты кто такая? И что это за тип притащил меня сюда? Это робот? Ты подчинила себе роботов? И что за люди, о которых он говорил? — Локи не проявлял ответного восторга от встречи, но, хмурясь и нервничая, вопросы задавал так же торопливо.

— Пожалуйста, не сердись, если Кай был слишком груб с тобой, — примирительно произнесла незнакомка. — Он просто подчинялся приказу: мы велели ему приводить сюда всех встреченных людей. Здесь, в этом подземелье, собираются «кроты» — так называют себя те, кто выжил после начала восстания машин. Я одна из них, меня зовут Милнет, а юноша рядом с тобой — Кай, он киборг.

— Киборг — это то же, что робот, только с человеческой внешностью. Так как ты сумела подчинить его себе? Это ведь... невообразимо. — Теперь парень уже не смог скрыть своей заинтересованности и, забывшись, даже подался вперед, но чуткий Кай держал цепь наручников крепко.

Локи раздраженно дернул рукой и чертыхнулся.

— Я не подчиняла его себе, — тихо и очень серьезно произнесла девушка в ответ. — В теле Кая есть металл, но сознание его — человеческое. Он не впал в безумие вместе с роботами.

Локи с сомнением покосился на своего провожатого, на лице которого застыло выражение сурового внимания. Воспользовавшись этим замешательством собеседника, Милнет в свою очередь начала допрос:

- Кто ты, Локи? Где и как ты живешь? Как ты обходишься без маски?
- Я живу в метро. Один. Маска мне не нужна — я привык к этому воздуху.
- Поразительно! Как такое может быть?
- Простая закалка.
- Ты одинокий боец?
- Я не боец, я просто человек.
- Это, наверное, оттого, что у тебя нет оружия?
- Есть, но я предпочитаю убегать от роботов. Так безопаснее.

Милнет изумленно замолчала, а спустя несколько мгновений ее взгляд преисполнился гневом:

— Трус! — выкрикнула она. — Не можешь внести даже посильную помощь в общее дело войны с роботами!

— В общее дело? — вспыхнул и Локи, моментально повышая голос: — Да я знать не знаю ни о каком общем деле! Я долгое время даже не знал, что в этом городе, на этом материке остался в живых кто-то, кроме меня и горстки военных! Война давно проиграна! Чем я могу помочь? Целыми днями отлавливать взбесившиеся машины, когда, может быть, в центре города какой-нибудь завод штампует их тысячами в сутки?!

- Мы не знаем причины бунта, не знаем, пополняется ли армия.
- Вот именно! Мы ничего не знаем! Есть ли смысл напрягаться?
- Идиот! А что еще остается делать в этих развалинах?
- Воровать у судьбы лакомые кусочки из доступных удовольствий, — веско проговорил Локи.

— О чем это ты? — Милнет опешила настолько, что снова понизила голос.

И тогда юноша спокойно, будто и не было этого ожесточенного спора, произнес:

- О моей женщине.
- Она — смысл твоей жизни? — прямо спросила Милнет.
- В моей жизни нет смысла, — с безразличием в голосе отозвался Локи. В подробности их с Каприз отношений он не собирался посвящать первого встречного человека. Пусть этот встречный и был первым за три четыре года. — Просто раз уж у меня есть жизнь, значит, ее надо хоть как-то прожить. Вот и все. А моя женщина — прелесть этой жизни, ее украшение.
- Чем же ты живешь? — Милнет казалась абсолютно обескураженной.
- Я живу сегодняшним днем, — сказал, как отрезал, Локи.
- Ты можешь привести сюда свою возлюбленную и остаться с нами.

Говоря это, Милнет протянула руку к Каю, во время всего разговора остававшемуся совершенно безучастным. Тот, поняв без слов приказ, вложил в перепачканную чем-то черным ладонь девушки ключ от наручников, и Милнет расстегнула стальные браслеты на запястьях Локи.

— Пойдем, я покажу тебе наше подземное селение, а потом ты сам решишь, как быть. Ни на чем настаивать я не буду.

Это было новое приключение, совершенно непохожее на все предыдущие, поэтому Локи согласился. И ему трудно было скрыть, что дыхание его перехватило при виде стольких людей. Словно мир, окружавший его, до сей поры был картонными декорациями, и лишь сейчас, с присутствием людей, ожил, стал настоящим.

«Подземное селение» представляло собой лабиринт низких, но широких коридоров. Начинались они с подсобных помещений торгового центра, а затем уходили дальше, в вырытые вручную подземные приземистые коридоры.

— Почти четыре года мы рыли ходы, которые соединяют между собой многие цокольные этажи зданий, подвалы и подземные парковки, — не без гордости пояснила Милнет. — Это второй Ореол: страшный близнец верхнего собрата.

— А вы не боитесь нарваться на роботов в этом вашем подземелье? — спросил Локи.

— Нет. В тех помещениях, в которых есть выход наружу, мы выставаем часовых и ловушки. У нас ведь есть оружие. Мы, в отличие от некоторых, не боимся сражаться, — попыталась уколоть его Милнет, но тот в долгу не остался:

— В таком случае, отчего же вы не сражаетесь вместе с военными? — достаточно едко поддел Локи свою собеседницу.

Та, казалось, смутилась, чуть помедлила с ответом и затем, осознав, что не обязана отчитываться, отмахнулась:

— Это долгая история. Не важно. Важно другое — мы не остаемся в стороне.

Те, кто не остается в стороне, жили в лачугах, наскоро сколоченных из фанерных или железных листов, создающих подобие стен — непрочных и дырявых. Окон не было, благодаря чему создавалась хоть какая-то иллюзия уединения внутри жилища, однако не было и дверей — жители не желали воздвигать барьеры друг между другом. И хоть эти хижины и стояли вдоль коридоров, создавая своеобразные подземные улицы, по сути катакомбы являлись одним огромным домом для всех присутствующих.

Ни на ком не было эко-масок.

— Я смогла установить в вентиляционных шахтах кое-какие фильтры, — пояснила Милнет — Воздух, конечно, не такой чистый, как в военном городке под куполом, но тоже сойдет.

— А как же вы выходите на улицу? Неужели на всех хватает масок? Их ведь уже почти четыре года лет никто не изготавливает!

— Я занимаюсь чисткой старых фильтров вручную. Мало-мальски получается. Но вообще, знаешь, — Милнет понизила голос, — далеко не все здесь выходят за пределы поселения. Маски по большому счету нужны только нашим воинам. Остальные — старики, женщины, дети — боятся подниматься наверх.

«Поэтому у большинства такой чахлый вид, — подумал Локи. — Гиблый народ».

Здесь были самые разные человеческие создания: взрослые крепкие мужчины и тощие юнцы, беспечные дети, привыкшие к подземелью и не угнетаемые им, и тихие печальные старики, женщины с усталыми мудрыми глазами и жизнерадостные девушки. Все они казались Локи бледными копиями настоящих девушек — он сравнивал их робкую, увядающую в подземельях красоту с броской эффектностью Каприз. Но и среди этих дочерей Евы одна привлекла к себе его внимание.

— Ой! Здравствуйте, — растерянно и очень смущенно произнесла юная барышня, в спешке едва не налетев на Локи из-за угла. — Вы новенький? Добро пожаловать!

Незнакомка просияла искренней приветливой улыбкой и, отбросив с бледного миловидного лица локоны белокурых волос, протянула Локи свою тонкую, будто полупрозрачную руку для пожатия.

У нее были невероятные черные глаза. Огромные, как у куклы, смотрящие будто немного в сторону от собеседника. И за исключением этих черных глаз девушка была совершенно белоснежной, ослепительной в слепом полумраке катакомб. Снежные волосы, фарфоровая кожа, молочного оттенка целомудренное платье длиной ниже колен и... сливочного цвета пушистые тапочки на ногах. Ангел подземелья. Плюшевый заяц среди бледных теней, суровых воинов и их опасных игрушек.

Оторопевший Локи вдруг понял, что знает — она всегда была такой. Он так и звал ее в детстве — «плюшевый заяц», чем частенько доводил до слез.

— Юни? — едва слышно вымолвил он, словно опасаясь неловкой ошибки.

Белокурая девушка вскинула на парня удивленные глаза и бесхитростно просияла:

— Вы знаете мое имя? Милнет вам уже рассказала обо мне?

— Ничего я ему не рассказывала! — резко бросила та и мгновенно подобралась, словно дикий зверь перед атакой. — Откуда ты знаешь ее имя? Ты шпион?

— Да брось, какой еще шпион! — Локи казалось, что он рассмеялся беспечно, но получилось довольно натянуто.

Эта новая встреча окончательно выбила его из колеи. Юноша вдруг отчетливо вспомнил тот, другой мир, который сейчас казался чужим, приснившимся, никогда не существовавшим. Мир, в котором у Локи не было Каприз, а была семья, были друзья, знакомые, соседи. Одной из таких соседок и была Юни — впечатлительная и плаксивая девчушка, которая казалась Локи слащавой, как сироп, и совершенно бессмысленной, как бабочка-однодневка.

Кто бы мог подумать, что встреча с некогда досадливым «плюшевым зайцем» так взволнует Локи! Именно это далекое от реального мира существо сейчас своим появлением доказывало реальность его снов. Напоминало, что когда-то не было роботов, а были люди. Целая планета людей. И Юни, это невероятно хрупкое создание — все, что осталось от его прошлого огромного, сильного, живого мира. Уцелела именно она. Ни крепкий и храбрый отец Локи, ни мудрая мать, ни идеально запрограммированная робот-няня, бывшая надежным другом детства, ни их большой дом в два этажа с гигантским садом и каменными скульптурами, ни бесшабашные друзья Локи по дворовым играм... а этот мотылек-Юни! Как же так?

— Я знаю девчушку с детства. — Локи улыбался, хотя еще не понял, обрадован он восточкой из прошлого или опечален этой несправедливостью. — Помнишь меня, Юни? Я Локи, твой сосед. Мы иногда играли на улице вместе... ну, пытались играть... Не слишком-то у нас получалось, помнишь? — Локи вновь усмехнулся, но на этот раз уже совсем невесело.

Потому что в черных, бездонных, как вселенная, глазах девушки не мелькнуло узнавание.

— Нет, я не помню, — тихо вымолвила она и сразу поникла, увяла, перестала улыбаться и опустила взгляд.

— Да брось, как ты можешь не помнить главного врага твоего детства? — начал было Локи, но Милнет перебила его, приобняв за плечи Юни, словно защищая ее от гостя.

— Юни потеряла память, — холодно пояснила она юноше. — Когда мы нашли девочку, бродившую в руинах, она не помнила ничего, кроме своего имени. Так что не стоит ворошить прошлое — это очень ее огорчает. Кай, побудь с Юни, пока я провожаю гостя, развлеки ее, — шепнула она крылатому парню, который все это время безмолвной и неотступной тенью следовал за ними.

Локи едва не рассмеялся в голос: «Кай» и «развлеки» — слова из разных языков и разных галактик. Как может этот человек-автомат кого-то развлечь? Но на лице Кая неожиданно появилась заботливая улыбка и, бережно взяв растерянную и замкнувшуюся в себе Юни за руку, он повел ее куда-то, негромко и ласково что-то вещая.

— Э... м... Он и так умеет? — не скрывая изумления, восхитился Локи, уставившись на Милнет. — Что у него за программное обеспечение? Какой год выпуска?

Милнет состроила саркастическую гримасу из разряда «Очень смешно!» и легонько подтолкнула задержавшегося визитера обратно, к выходу из катакомб.

— Нет, я серьезно! — Локи, не сбавляя шага, не сводил удивленного взгляда с сурового лица своей провожатой. — Никогда не видел, чтобы роботы так достоверно изображали эмоции. Даже отец не делал таких, хоть моя няня и была высокотехнологичным созданием. Но этот!..

— Он не робот! — грубо оборвала юношу Милнет. — Он человек. Его эмоции — человеческие. Ясно тебе? В нем больше чувств, чем в тебе и во мне, вместе взятых.

«Еще одна нездоровая на голову», — вздохнул про себя Локи, но вслух не стал возражать. Уж слишком горячилась Милнет, когда речь заходила о Кае.

Однако девушка, видимо, расценив молчание Локи как внимание, сразу смягчилась и пустилась в объяснения:

— Кай — киборг. Мы нашли его на улице вскоре после восстания роботов. Парень был на грани безумия, ничего не соображал, то кидался на людей, то бился о стены. Но мы смогли его обезвредить, и пока ребята держали его как пленника, я изучала уцелевшие в лабораториях документы. Оказалось, что Кай — экспериментальное создание, первое и уникальное в своем роде. Его человеческое тело модифицировали с помощью механизмов — более выносливых и крепких. Его человеческий разум связали с компьютерным, чтобы сделать его более совершенным. Да, он наполовину машина, но наполовину — человек. Только вот ученые каким-то образом сумели искусственно подавить его эмоции — очевидно, чтобы не мешали выполнению заданий. Вот и получается, что он не взбесился, как все остальные роботы, но и чувствовать, как все люди, он тоже не может. При необходимости он может изображать эмоции, и, видимо, по старой памяти, беспрекословно исполняет приказы. Человеческие приказы.

— А ты не боишься, что завтра машина в нем возьмет верх над человеком? И он тоже взбунтуется и перестреляет всех вас? Как те роботы, уложившие полгорода наверху.

— Я — не боюсь, — с расстановкой произнесла Милнет, из чего Локи понял, что все остальные, кроме нее, боятся. — Все будет зависеть от того, что мы будем культивировать в Кае. А я просто уверена, что однажды смогу разбудить в нем человека.

— Так вот почему ты зовешь его Каем? Думаешь, что сможешь растопить льдинки в его сердце? Потрясающая беспечность. На мой взгляд — даже непозволительная для «кротовьей» предводительницы, — с иронией заметил Локи.

— Я не предводительница, я инженер-механик, — уже совсем спокойно парировала Милнет. — У нас демократия. Когда-нибудь у нас появится вождь, который поведет нас в бой, как только мы наберем армию. А пока я просто организовываю порядок в нашем большом доме — исключительно по-женски — и жду счастливого появления героя.

— Желаю тебе благополучно дожидаться, — саркастически фыркнул Локи и, подняв ладонь в прощальном жесте, скрылся за дверью, ведущей из катакомб на парковку.

Глава 3

Каприз новость о «людях-кротах» не впечатлила. Она выслушала подробный рассказ Локи скептически, а потом, сделав наигранно-равнодушное лицо, резюмировала:

— Тебя, как я вижу, их появление очень обрадовало. Может, я уже и не нужна тебе?

— Да что за глупости, Каприз? — беспечно махнул рукой Локи. — Давай я завтра отведу тебя к ним? Сама посмотришь, что там вообще некому и нечему радоваться.

— Очень надо! — холодно фыркнула ведьма. — Сам иди туда и живи в этом трусливом стаде. Там удобно, безопасно, ни о чем не надо заботиться. Можешь не возвращаться в эту берлогу и не вспоминать обо мне, стерве.

— Каприз, да что с тобой? Я не собираюсь ничего менять. Просто это еще одно приключение, — пожал плечами Локи.

Но девушка бросила в ответ:

— Ну и развлекайся один, — и исчезла.

Это был самый короткий ее визит: всего двадцать минут.

Локи растеряно огляделся, на всякий случай несколько раз позвал подругу по имени, словно она могла слышать его из другого измерения. А потом парень рассмеялся: этот ребяческий поступок явственно выдавал ревность. Каприз уязвило то, что ее любимый зверь заинтересовался игрой с кем-то другим. «Ну ладно, позлись», — великодушно разрешил Локи, не собираясь обижаться в ответ на эту детскую выходку.

* * *

В тот же вечер Локи придумал себе первое развлечение.

Он вновь наведлся к «людям-кротам», сообщил Милнет, что Каприз знакомиться с ними отказалась, а он будет заглядывать в гости иногда, но на постоянное место жительства к ним не собирается. «Как тебе угодно» — равнодушно отозвалась Милнет, в душе надеявшаяся обрести нового сильного воина и разведчика в лице Локи. После этого краткого диалога парень не поторопился уйти, а отправился неспешно прогуливаться по подземным улицам и вскоре встретил Юни.

По обыкновению улыбаясь девушка была занята раздачей еды. Народ выстроился в аккуратные очереди у огромных котлов и принимал из рук Юни наполненные пищей тарелки. К каждой порции у девушки находилась приветливая фраза на десерт.

— Значит, за кормежку тут ты отвечаешь? — вместо приветствия произнес Локи с усмешкой, появляясь рядом неслышно и незаметно, словно вырастая из-под земли.

Юни вздрогнула, но, узнав вчерашнего визитера, изобразила приветливость:

— Да, я. Здравствуй.

Девушка улыбалась ему робко, словно ожидая, что может устроить этот странный тип, назвавшийся ее другом детства. Но вместе с тем она смотрела на Локи с нерешительным интересом, словно тайком, урывками любовалась им.

— А откуда же у вас еда? Продукты на всех складах Ореола уже давно закончились или испортились. Неужели вы тоже обворовываете караваны с гуманитарной помощью с Отшельника?

— Нет, что ты! — испуганно округлила глаза Юни. — Мы выращиваем все сами.

Локи недоверчиво изогнул бровь, на что девушка добродушно предложила:

— Если ты дождешься, когда я закончу с раздачей, я покажу тебе наш огород.

— Было бы чрезвычайно любопытно его увидеть, — усмехнулся парень и обрек себя на тяжелейшее испытание скучного ожидания.

Завершив свою маленькую миссию, Юни надела эко-маску и долго вела Локи по путаным катакомбам, по ступеням вверх и, наконец, отворила перед ним двери. За ними открылся

вид на бывший центральный парк Ореола. Когда-то сотня специалистов ботаники и агрономии выращивали здесь дивные деревья и причудливые клумбы цветов, чтобы уставшим от механики и кибернетики жителям Ореола было где отдохнуть душой и взором.

Война с роботами превратила этот сад в пустырь: привыкшие к человеческому уходу, уничтоженные взрывами растения не смогли восстановиться. Локи помнил этот парк-сад и во времена его расцвета, и во времена его разрухи. Он бывал здесь с родителями до кибер-восстания, бывал с Каприз — после.

А теперь оказалось, что на разрытой бомбами земле «люди-кроты» с недавних пор устроили огород. На аккуратно разровненной земле росли вялые из-за нехватки солнца, но все же живые картофель, капуста и кукуруза, помидоры и огурцы, свекла и морковь, по изящной решетке парковой ограды вился виноград.

— Когда началась война и мы рыскали по заброшенным магазинам в поисках пищи, то наткнулись на склад с семенами, — начала свой рассказ Юни, видя, что ошеломленный Локи не может вымолвить ни слова. — Ими должны были засеять поля за городом, но не успели. Наши женщины смогли устроить здесь, в парке, большой огород. А чтобы роботы не уничтожили все вновь, здесь всегда дежурит охрана. По их тревоге сюда готовы сбежаться все наши вооруженные силы, ведь это — наш самый важный, жизненно важный объект.

Они неторопливо бродили вдоль широких грядок, и Юни, всегда строго следящая за порядком, сейчас великодушно разрешала Локи срывать с кустов виноградные ягоды.

— А где же вы берете мясо? — полюбопытствовал Локи, отмечая про себя, где стоит охрана и можно ли будет стянуть отсюда что-нибудь незаметно ночью. Или, может быть, они дадут и так, если попросить? Правда, Локи уже забыл, что значит «просить».

Юни в ответ на его вопрос пожала плечами:

— С некоторых пор мы вегетарианцы.

— Ужас! — искренне посочувствовал Локи. Сам он и представить себе не мог такого образа жизни. — Юни, ну скажи честно, неужели вам никогда не приходило в голову ограбить хоть один караван с гуманитарной помощью? Или попросить их поделиться с вами?

— Нет-нет, нельзя, чтобы нас обнаружили, — заученно повторила Юни, отводя глаза.

Локи расплылся в ухмылке опытного искусителя и вкрадчиво уточнил:

— Почему? Расскажи мне, Юни, пожалуйста.

Просить он не умел. Зато умел манипулировать. Простодушная девушка зарумянилась от фальшивой нежности в голосе юноши, но подняв на него чистые и ясные глаза искренне, ответила:

— Я не знаю. Так Милнет говорит. Она у нас главная.

— А мне она сказала, что главных у вас нет, — фыркнул Локи.

— Она не хочет признавать себя главной, но мы все равно слушаемся ее, идем к ней за советом и признаем ее нашей предводительницей. Но она ругается, когда мы так говорим.

— Чем эта девица заслужила такое уважение? — скептически поморщился парень. — Своим мужицким поведением?

— Она собрала нас вместе, — тихо отозвалась Юни. — Она организовала весь наш быт. Она умеет придавать нам сил и внушить надежду.

— При этом запрещает вам идти к военным за спасением?! — Локи окончательно утратил логическую нить повествования. Что же задумала эта странная Милнет?.. Впрочем, не все ли равно по большому счету?

Они с Юни уже подошли к самому краю огорода: там, за невысокой парковой оградой начинался железный город, и этот выход в большой мир тоже охраняли часовые с оружием наперевес. Юни послушно остановилась у этой границы, Локи же легко шагнул дальше, в проем ворот, и никто не препятствовал этой дерзости. «Люди-кроты» не собирались охранять пришельца.

— Ну, что ж, если всем вам нравится жить под землей и под каблуком, оставайтесь и тряситесь там, в своей темноте, — нарочито громко заявил Локи, чтобы часовые услышали это вместе с Юни. — А я не собираюсь прятаться от жизни и от свободы!

С этими словами парень пристально взглянул в лицо своей подруги детства, чтобы, как в давние времена, по привычке, насладиться ее возмущением и бессильной злостью — и обомлел. Юни взидала на него с восхищением и тоской. В ее пристальном, жалобном взгляде Локи без труда прочел желание оказаться сейчас рядом с ним, вкушать его воли, его беспечности. Это была безмолвная мольба взять ее с собой, уговорить ее покинуть свой безопасный плен.

Она не могла сделать этого сама, не смела даже попросить вслух: для этого она была чересчур слаба и нерешительна. Но взгляд невольно выдавал все ее чувства.

И Локи с удивлением понял, что ему приятно это девичье благоговение, это ее желание покориться ему. Он никогда не испытывал подобного раньше. Каприз не позволяла ему быть главным — они всегда оставались по крайней мере на равных. Вместе, но независимо. Юни же давала ему нечто новое — власть. Предложение, от которого невозможно отказаться.

Локи в несколько легких, пританцовывающих шагов преодолел расстояние между ними, неожиданно обнял оторопевшую девушку, будто бы на прощание, но успел шепнуть ей:

— Сегодня в два часа ночи я буду ждать тебя здесь, у главных ворот в парк. Чуть правее них я спущу с ограды веревочную лестницу, спрячу за виноградом. Придешь — и я поделюсь с тобой своей жизнью.

* * *

Она пришла. В непроглядной ореольской темноте Локи едва разглядел своего «плюшевого зайца» — так медленно и неслышно ступала девушка по мягкой земле вдоль самого края паркового ограждения. Чтобы часовые не заметили ее, Юни набросила поверх платья мешковатый темный плащ, прикрыв капюшоном свои длинные блондинистые волосы.

Подойдя к увитым виноградной лозой прутьям чуть правее центральных ворот, девушка нашла спрятанную в зарослях узкую и неприметную веревочную лестницу. Дождавшись, когда патрулирующие территорию стражники отойдут как можно дальше, Юни неловко, но достаточно бесшумно перелезла через ограду, так же тихо спустилась с другой стороны. И тут же увидела Локи, притаившегося в развалинах дома поблизости.

— А если бы цепные псы все же увидели тебя? — лукаво спросил парень, когда девушка перебежала в его укрытие и опустилась на асфальт, пыталась унять сбившееся от волнения дыхание.

— Я бы сказала, что вышла за продуктами для завтрака, — выдавила из себя улыбку Юни, которую Локи все равно не видел под эко-маской, но слышал ее слабый отзвук в голосе.

Он оценил маленький подвиг подземной жительницы: она держалась бодро. Лазание по веревочной лестнице казалось ей необычайным приключением и приличной разминкой для тела.

— И в этом случае ты ушла бы обратно? Под землю? — допытывался Локи, сидя рядом и терпеливо дожидаясь, когда его спутница придет в себя после пережитого стресса.

— Ну, да, — пожала плечами та. — А что бы мне еще оставалось? Попросилась бы на следующую прогулку с тобой и ускользнула бы как-нибудь по-другому... Почему ты качаешь головой?

— Потому что сегодня — твой единственный шанс на прогулку со мной, — сурово произнес Локи. — Поэтому, если сегодня ты повернешь обратно или хоть раз запросишься домой, я больше никогда не позову тебя с собой. Так что соберись: у тебя будет только одна попытка доказать мне, что ты достойна свободы и жизни в этом городе. В этом, а не в подземном.

— Я поняла, — кротко кивнула Юни, и Локи посчитал этап устрашения законченным. Теперь, надеялся он, девушка будет стараться держать себя в руках, и вероятность ее нытья в течении этой ночи равна нулю.

— Пойдем. Я покажу тебе твой дом. Может быть, увидев его, ты все вспомнишь.

Локи протянул руку своей спутнице, намереваясь взять ее ладонь, чтобы девчонка не отставала. Но Юни внезапно с благодарностью и трепетом обхватила его руку, практически повиснув на ней, словно маленький ребенок. Локи быстро подавил вспышку раздражения и заставил себя вспомнить, что перед ним, по сути, и есть ребенок — пугливая и глупенькая кукла, которая почти четыре года не выходила никуда из своей норы.

— А ты уверен, что мне нужно все это вспоминать? — с робким сомнением произнесла Юни, когда они отправились в путь вдоль полуразрушенных стен. — Ведь... Ведь если я бродила по улицам одна, значит, никого из моих родных не осталось в живых?

— Может быть и так. Но... как тебе объяснить? Память — это важно, заяц. Это богатство, в котором есть советы от мудрых родителей, от старших друзей, это опыт и знания, которые ты успела приобрести сама. Это твои успехи и ошибки, твоя философия, твои чувства, твои идеалы, которые дают силы, согревают. Твои мечты и цели, которые помогают двигаться дальше. Это основа твоего мира. Без них ты пуста, а жизнь — пресна.

— Милнет говорит, нельзя жить прошлым, — будто вызубренный урок, произнесла Юни.

— Да, прошлым жить нельзя. Но прошлое должно жить в тебе. Это непрерывность жизни, залог вечности этого мира, пресловутая преемственность поколений. Прошлое — это то, что ты будешь продолжать в будущем. А если тебе нечего продолжать, то будущее придется строить на руинах и пустырях. Это в сотни тысяч раз сложнее.

Юни потрясенно замолчала и, видимо, еще долго обдумывала слова Локи. А потом едва слышно вымолвила:

— Все равно мне страшно.

— Не бойся, я же с тобой, — заботливо, словно ребенку, сказал Локи и сам поразился, едва узнавая себя. Откуда в нем эта мягкость?

Страшно было признаваться самому себе в том, что ему нравится опекать кого-то, быть старшим, авторитетным. «Нда, испытание властью я бы не прошел», — с усмешкой подумал юноша, ощущая необычайное волнение от того, как доверчиво прижималась к нему хрупкая и пугливая Юни.

Девушка, будто прочитав его мысли, нерешительно спросила:

— А почему ты позвал с собой меня? Почему именно меня?

«Ну, началось! Почему просто нельзя наслаждаться происходящим и не портить все дотошным разбирательством?». Тут Локи с уважением вспомнил Каприз, которая никогда не говорила и не делала лишнего. Это было и удобно, и дразняще одновременно — всегда хотелось чуть большего ее участия.

Парень поспешно прогнал от себя мысли о ведьме и сосредоточился на своей роли мудрого и сильного покровителя.

— Потому что ты единственная, кто захотел пойти со мной. Единственная, кто улыбается мне в вашем подземелье. Единственная, кого я знаю в этом погибшем городе, — терпеливо объяснил он.

По факту это было правдой, но не причиной. Однако не говорить же девчонке, что он позвал ее с собой от скуки. Что только она поддалась на его сумасбродные и вызывающие речи. И что Каприз обиделась, и неизвестно, когда явится в следующий раз, а парень привык к частому женскому обществу.

Бледные щеки Юни зарделись слабым румянцем. И хотя Локи не мог видеть этого из-за маски на ее лице и густой темноты вокруг, он почувствовал, как руки, обвившие его предплечье, дрогнули и сжались чуть сильнее.

Город тонул в безлунной ночи. Где-то вдали, на горизонте, светился ореолом купол над военным городком: он всегда был ярко освещен, ведь ночные операции происходили столь же часто, сколько и днем. Здесь же, на окраинах города царил тьма, местами еле-еле разгоняемая

тусклым светом фонарей на солнечных батареях. Планета Неря уже очень давно не видела своего солнца, и батареям не от чего было подпитываться сумрачными днями.

У Локи был с собой фонарик на батарейках, который наверняка и стал причиной их с Юни приключения: свет привлек к ним роботов. Парень предвидел это и, возможно, этого и желал: нерастратенная энергия, накопившаяся в теле за эти дни, требовала выхода.

— Давненько я не разминался! — с хищной ухмылкой воскликнул он, когда из очередного проулка навстречу им с Юни выскочила четверка роботов-телохранителей.

Это раньше они были телохранителями: вооруженные человекообразные машины, охраняющие представителей элиты и выполняющие их приказы. А сейчас расценивались Локи как слабенькая опасность невысокого уровня: вооружение слабое, скорость низкая, летать не умеют.

Юни считала по-другому: едва увидев сверкнувшие в темноте глаза с самонаводящимся прицелом, девушка завизжала так, что вздрогнул даже Локи — парень со стальными нервами. Впрочем, это его еще больше раззадорило:

— Бежим! — озорно крикнул он и, крепко держа ладонь Юни в своей, рванул в проулок.

Девушка, разумеется, не смогла поддержать эту скорость и с жалобным вскриком повалилась на землю, разбив прикрытые платьем колени об асфальт.

— Вставай, заяц, вставай! Беги! Вот она — жизнь! Чувствуешь, как кровь кипит? — веселился Локи, подхватывая с земли Юни, ставя ее на ноги и снова увлекая за собой: — Ну же!

— У тебя что, нет оружия? — в панике кричала та, хватая ртом воздух, которого фильтр эко-маски пропускал явно недостаточно.

— Есть, но его время еще не пришло: это же всего лишь «телохранители»! — беспечно отмахнулся Локи, путая следы и протискиваясь в самые узкие щели между домами и ограждениями.

Это работало безотказно, ведь роботы подобного типа не были рассчитаны на долгие преследования: они были очень внимательны и обладали отличной реакцией, но не слишком высокой сообразительностью.

— Локи, я не смогу больше! — взмолилась Юни, падая в очередной раз и заливаясь слезами. — Они убьют нас!

— Да брось! Они уже потеряли нас, так что у тебя даже есть время отдышаться.

С этими словами парень встал рядом с упавшей на колени девушкой. И все время, пока она, всхлипывая, приводила дыхание в норму и пыталась разглядеть ссадины на ногах, Локи чутко оглядывал узкую улочку.

Было тихо.

— Испугалась? — прошептал юноша.

— Очень, — едва слышно призналась девушка.

— Колени болят? — чуть помолчав, снова спросил Локи.

Юни, шмыгая носом, закивала. Парень улыбнулся и, не отрывая глаз от дороги, на которой в любую минуту могли появиться роботы, склонился к уху Юни и вымолвил:

— Я горжусь тобой, заяц.

Добыча заглотила наживку. Девушка ничего не ответила, замерев и даже перестав хлюпать носом. Но когда из-за угла дома появилась четверка «телохранителей», Юни в ту же секунду вскочила на ноги и вместо очередного вопля твердым голосом сказала:

— Вон они. Бежим.

Локи расплылся в довольной улыбке, протянул ей руку, и парочка скользнула в очередной переулок. В стену, за которой скрылись молодые люди, тут же вонзилось несколько пуль. Юни, услышав это, взвизгнула, закрыв голову руками, но свой неуклюжий бег продолжила.

В отличие от Каприз, она удовольствия от погони не получала. И по крышам побегать с ней не представлялось возможным. Но «плюшевый заяц» изо всех сил старалась держать себя в руках и была очень послушной своему защитнику.

Когда в воздухе появились два «летуна», Локи засмеялся, а Юни снова разрыдалась, но парень простил ей эту слабость за старательность. Поэтому, когда на пути к очередной подворотне девушка упала и с воем отчаяния отказалась подниматься, парень без труда подхватил истощенную подземной жизнью спутницу на руки и, перекинув через плечо, пустился легким бегом к входу в метро. Сюда летунам вход был недоступен, однако «телохранители» не отставали.

Юни притихла, покорно повиснув на плече своего провожатого и настороженно оглядывая покореженное взрывами убранство подземной станции. Здесь были даже работающие фонари на «вечных», экономных аккумуляторах. Это Локи установил их тут и регулярно менял выходящие из строя, потому что частенько наведывался именно сюда. При этом не пытался анализировать причину такого своего поведения. Напрочь отказывая себе в сентиментальности, он упрямо пытался найти его в душе своей спутницы:

— Вспоминается что-нибудь?

— Что я могу вспомнить на заброшенной станции? — удивилась девушка.

— Мы частенько бегали сюда встречать поезда — Голос Локи звучал негромко: то ли он не хотел привлекать внимания рысующих неподалеку роботов, то ли так выражалось его почтение к воспоминаниям детства. — Мы, мальчишки, делали вид, что вот-вот бросимся на рельсы, вставали на самом краю платформы, скакали на одной ноге у самой кромки. Хвастались перед девчонками, в общем. Они все глазели и восхищались, а ты ругалась и плакала — боялась, что мы и вправду упадем.

Локи, наконец, остановился и поставил Юни на землю. Та, пристально глядя в спокойные глаза юноши, решила на прямой вопрос:

— Может быть, я тревожилась, потому что любила тебя? Может быть, именно поэтому ты выбрал меня?

Юноша, никак не ожидавший такого вывода из своих слов и действий, рассмеялся во весь голос:

— Ох, нет, заяц! Я был тем, кого ты любила меньше всего на свете! Я ведь всегда звал тебя так — плюшевым зайцем, и никак иначе. Издевался над тобой все время.

— А сейчас? Сейчас ты ведь не издеваешься? — с надеждой спросила Юни, все пытаясь найти во взгляде Локи какие-то чувства по отношению к ней или событиям прошлого.

И не могла. Никаких глубоких, потаенных эмоций не выдавало ни единое движение мускула. Лишь благодушная, но словно отстраненная улыбка для нее, и коварная усмешка для приближающихся «телохранителей».

— Спрячься под лестницу, — коротко скомандовал он, услышав стук металлических ног по плитам тоннеля. — Сейчас все закончится. Мы совсем рядом с домом.

Юни выполнила приказание. И едва девушка скрылась под широкой лестницей, ведущей на верхний уровень станции, как из одного из переходов выскочила четверка преследователей. Локи выстрелил из пистолета ровно четыре раза и уложил всех. Он знал самые уязвимые места практически каждой модели, недаром в детстве проводил все вечера в мастерской отца-программиста и деда-робототехника.

— Ты не мог сделать этого сразу?! — вскричала пораженная Юни, услышав звуки падающих железных тел и бесстрашно выскакивая из-под лестницы.

— Тогда было бы гораздо скучнее, — улыбнулся Локи с очень довольным видом. И, убрав оружие в неприметную кобуру на поясе, кивнул на лестницу. — Ну, а теперь расслабься, погонь пока не будет. Мы почти пришли.

Особняк Юни располагался в паре кварталов от входа в метро. Это расстояние молодые люди преодолели медленным шагом: Локи надеялся, что окрестности, пусть и утонувшие в темноте и разрухе, покажутся его бывшей соседке хоть немного знакомыми. Но девушка шла молча, глядя на двух- и трехэтажные постройки равнодушным взором и лишь иногда поеживаясь под мертвым взглядом давным-давно погасших окон.

— Вспоминай, какой из этих домов твой, — требовательно сказал Локи и остановился посреди улицы.

— Я не помню, хоть убей, — беспомощно развела руками Юни.

Но ее спутник был непреклонен:

— Вспоминай. Это место есть где-то в недрах твоего подсознания. Давай, разрушай барьеры, снимай блоки — вспоминай.

— Вон тот? — робко спросила девушка, указав на первый попавшийся.

Локи, вздохнув, покачал головой и повел ее к большому особняку, некогда бывшему шикарным жилищем, а сейчас ставшему облупившимся строением с зиявшими дырами в стенах. Юноша первым вошел в пустой дверной проем и стал водить лучом фонарика по стенам. Кое-где еще сохранились обои и лепнина под потолком, лестница на второй этаж была практически цела. А на полу в грудах кирпичного крошева можно было найти осколки былой роскоши. Но в ночной темноте было чрезвычайно сложно узнавать вещи по их остаткам.

Первый этаж занимали гостиная и столовая с небольшой кухней. Наверху, как догадался Локи, располагались спальные комнаты и кабинет главы семейства. Еще парень помнил, как девочка хвасталась, что на крыше у них разбит великолепный сад, и его тоже необходимо было посетить — наверняка «плюшевый заяц» проводила там много времени и могла вспомнить эти минуты беспечного девчачьего счастья. Но юноша не торопился.

— Узнаешь дыхание этих стен? — спросил Локи, так как Юни уже несколько минут молчала и оглядывалась, как в музее.

Та отозвалась тихо и печально:

— Они больше не дышат, Локи.

— Зато теперь дышишь ты, — неожиданно произнес парень, остановившись за спиной своей подруги, и неожиданно сорвал с нее кислородную маску.

— Отдай маску, я задохнусь! — в ужасе вскричала Юни и тут же зашлась глубоким кашлем.

Но Локи взял ее лицо в свои ладони и, пристально глядя в глаза, с нажимом произнес:

— Не задохнешься, Юни. Не бойся, дыши. Этим воздухом уже можно дышать: люди не отравляют его уже больше трех лет. Ты просто привыкла к искусственному. Привыкла к фильмам. Дыши настоящим. Дыши.

Девушка, будто загипнотизированная взглядом и голосом, замерла, и хотя через два-три вдоха кашель возобновился, он уже не был таким судорожным. Через пару минут Локи вернул Юни ее маску, но предупредил.

— Через час я заберу ее опять.

Юни испуганно отпрянула. Локи усмехнулся:

— Не бойся, это испытанный способ. Так меня отучала от эко-масок моя Каприз. — Юноша медленно опустился на ступени каменной лестницы, растянулся на них, заложив руки за голову, и принялся рассказывать: — Когда фильтры на моей маске стали приходить в негодность, мы понятия не имели, где достать новые. И Каприз решила, что научит меня обходиться без них: отнимала у меня маску каждые полчаса и заставляла впустить в себя ядовитый воздух. Тогда смог в нем быть куда более концентрированным, чем сейчас. И ничего — как видишь, я справился.

Юни, слушая этот рассказ, осторожно бродила по обломкам и разглядывала все подряд. А когда Локи замолчал, она заговорила совсем не о том, о чем юноша ожидал вопросов.

— Кто такая эта Каприз?

— Моя подруга. Своенравная ведьма, которая иногда заходит в гости из соседнего измерения. У них там, судя по ее рассказам, хорошо, но меня она отказывается брать туда.

— Странная, — резюмировала Юни, подумав.

— Очень, — охотно согласился Локи.

Пройдясь по спальным комнатам на втором этаже, девушка горько расплакалась, бес- сильно опустившись на ковер.

— Вспомнила? — оживился парень.

Но та покачала головой:

— Нет. Просто... просто... вот здесь жили люди, жили по-настоящему, по-нормальному. И, наверное, даже до конца не понимали, как были счастливы. А теперь нас осталось так мало, и мы не живем, а существуем. И неужели ничего, ничего-ничегошеньки с этим не поделать? Неужели я все свою жизнь буду прятаться и бояться?

Вместо ответа, которого не было, вместо пустых утешений Локи взял Юни за руку и повел за собой. А затем молча отворил перед ней хлипкую дверь в конце узкой лестницы, ведущей на крышу. Вся она была усыпана осколками вазонов и декоративных скульптур. Но парень провел девушку мимо этой разрухи, к самому краю крыши, и произнес:

— Я не могу обещать тебе теплых кроватей и катания на колесе обозрения в центральном парке. Я и сам не знаю, что с нами будет завтра, послезавтра, через неделю. Но у тебя никто не может отобрать свободу и этот город. Делай то, что тебе нравится: выращивай овощи, готовь обед и ужин для своих друзей, придумывай игры для ваших малышей. Но не запирай себя. Не забывай про небо, про ветер, про этот город. Он все еще жив.

На обломках мертвых зданий ветер, рассеивавший голос Локи в ночном пространстве, был единственным движением вокруг. Он словно и сам был живым. Он и был дыханием этого города, и Юни вдруг с ошеломляющей ясностью почувствовала — он, действительно, живой. Этот город жив, его еще можно спасти.

— Ты прав, Локи! — воскликнула она, прося в восторженно-счастливой улыбкой. — Нельзя запирать себя в подземельях, нельзя отворачиваться от мира. Его нужно спасать!

Локи изумленно уставился на свою собеседницу:

— Нет-нет, ты не так поняла! Нужно спасать не его, а себя...

— Нет, я поняла все правильно! Ведь можно жить не только ярко, но еще и осмысленно, жить во имя цели. Не сдаваться, а стараться что-то изменить. Только тогда каждый день будет полноценным. Мы должны идти к военным. Уговорить Милнет отвести нас к ним, и...

Локи, оторопевший от этих внезапных откровений, от этой неузнаваемой решимости, был даже рад, что воздух наполнился стрекотом лопастей. «Летуны» нашли их — по голосам ли, по движению или по чистой случайности. И новым сюрпризом для ошеломленного юноши стали слова Юни:

— Быстрее, бежим в подвал! Дверь под лестницей!

— Ты вспомнила про подвал? — окончательно опешил парень.

Девушка мотнула головой, и Локи увидел по глазам, услышал по голосу — она улыбалась там, под своей пресловутой эко-маской.

— Нет, не вспомнила. Я просто заметила дверь под лестницей, когда мы пришли. Ну, побежали? — и девушка первая схватила своего спутника за руку, увлекая за собой к двери и вниз по лестнице.

Локи казалось, что поднимался на крышу он с одной девушкой, а спускается уже с совсем другой.

«Летуны» кружили над крышей, стараясь проделать в ней ракетами как можно большую дыру и проникнуть внутрь, вслед за беглецами. Но Юни больше не визжала под этот грохот,

а когда они вместе с Локи ворвались в темноту подвала, девушка сама стянула с себя маску и рассмеялась вслух. Локи смотрел на нее с опасением, как на полоумную.

Свет фонарика бликовал в ее широко распахнутых глазах, заставлял сверкать широкую восторженную улыбку.

— Воздуха в ней не хватает, — тяжело дыша, прокомментировала Юни, взмахнув маской, и тут же закашляла.

Но, откашлявшись, все равно не торопилась надевать свой фильтр, любуясь изумлением Локи. И парень воспользовался этой паузой: все еще недоуменно улыбаясь, он приблизился к Юни и медленно, будто боясь спугнуть, коснулся губами ее губ.

Сейчас, впервые за все время с их встречи, она показалась ему чертовски привлекательной. Эта погоня и дыхание старых стен пробудили в фарфоровой кукле человека, жаждущего эмоций. Она стала живой, и от этого неожиданно пленительной для Локи.

Юни ответила на поцелуй — робко и неумело, но очень нежно и чувственно. А затем, чуть отстранившись, прошептала:

— Спасибо тебе. За все спасибо. Знаешь, теперь я понимаю: мне даже понравилась эта твоя игра, это чувство опасности. Меня ведь никогда никуда не отпускали, запрещали пробовать что-то новое, рисковать. Милнет бережет меня как единственную младшую сестру, опекает на каждом шагу, ограждает ото всего на свете. Получается, что даже от самой жизни. Я тоже очень люблю Милнет, поэтому во всем стараюсь быть ей послушной, вот я и увязла...

Локи прервал ее откровения новым поцелуем. Пока не исчез из ее проснувшихся глаз этот неподдельный восторг, оживленный интерес. Пока она была настоящей и от этого притягательной. Пока она снова не надела маску.

Стало так тихо, что, казалось, город слышал каждый их вдох. «Летуны» отчаялись попасть внутрь: их мелкокалиберные пушки не могли проделать в крышах или стенах необходимую брешь. Возможно, они улетели за подкреплением, но Локи и Юни это уже не волновало. Они уже покинули печальную обитель.

Юни вслух поклялась своему дому однажды отважиться и явиться сюда днем, чтобы хорошенько все рассмотреть. И если не вспомнить, то сохранить в памяти место, где она воскресла.

А сейчас молодые люди бежали по улице к метро, затем — по ступеням вниз, но это была уже не погоня, а игра. Одна из тех, в которые Локи любил играть с Каприз, а сейчас Юни схватывала правила на лету, добавляя в них новизну. Недопетый мотив ведьмы Юни исполняла по-своему. Она не была похожа на Каприз: не смотрела свысока или как на равного. Она откровенно восхищалась. И Локи было приятно это участие, отсутствие надменности и хоть какой-то доли отчужденности. Она была в его руках вся, без остатка: и душой, и телом, и мыслями, и чувствами.

— Может быть, я влюбилась в тебя? — шепнула Юни, когда в очередном подземном переходе Локи прижал ее к стене, снял маску с ее пылающего лихорадочным румянцем лица и бережно поцеловал. — Может быть, и я уже не безразлична тебе?

Юноша тоже был другим, не таким порывистым и страстным, как с Каприз — где-то когда-то он научился быть мягким. Но от ответа ушел своим излюбленным способом, заменив слова новой порцией ласк.

— Мы не остановимся на этом? — чуть помедлив под каскадом поцелуев, обрушившихся на ее шею и плечи, продолжала допытываться Юни. — Ты придешь ко мне завтра?

Недоуменно вскинув брови, Локи решил не уточнять, что именно она имеет ввиду под «этим»: вылазки в город с погонями и приключениями или эту неожиданную зарождающуюся близость.

— Посмотрим, — с многообещающей улыбкой произнес парень и добавил нараспев: — «Одни сказки кончаются, другие же ждут впереди. Не смотри так подолгу назад, только прямо иди».

— Это песня? — еще больше оживилась девушка. — Что за песня? Спой мне!

— У меня неплохая музыкальная коллекция. Собирал по руинам старые аудиоплееры и ноутбуки. Поэтому я знаю много хороших песен, — с полупоклоном ответил Локи.

И, негромко напевая, он закружил Юни в танце по разбитому мрамору подземных станций, в хороводе огней «вечных» фонарей.

Хотелось, чтобы этот танец плавно перешел в иной, но торопить события было нельзя. Поэтому в тусклом отсвете зари, скупом намеке на рассвет, Локи привел Юни к входу в сад «людей-котов». Уже не таясь от ошеломленных стражников, девушка перелезла через ограду по веревочной лестнице и из-за витой решетки отправила своему ночному провожатому воздушный поцелуй. Грядущее выяснение отношений с Милнет Юни пообещала взять на себя, и Локи с чистой совестью отправился отсыпаться в свое логово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.